

ТВ Парк -1998-
13 мая - с 8-9.

«Я подскочил к Райкину и выхватил у него из рук цветок: «Дайте мне этот цветочек, я выйду за вас на сцену. Вы посмотрите, как надо играть!»

— Михаил Семенович, вы что, решили стать профессиональным боксером?
— А что делать? Надо же деньги зарабатывать... Все началось 1 апреля со встречи на ринге с «тяжеловесом» Игорем Дмитриевым. Упорные занятия у тренера Василия Ивановича убедили меня в том, что я могу бросить боксерскую перчатку самому Тайсону! А потом, должен, наконец, в Театре Комедии появиться своей авторитет!

— Кстати, доводилось ли вам 1 апреля над собой смеяться?

— Я часто смеюсь над собой. Ведь если зрители не реагируют, приходится смеяться самому. Меня разыгрывали часто, я ведь очень доверчивый человек. Когда обнаруживаю обман, начинаю сильно беситься: «Убью, уничтожу, размажу по стенке!». Потом отхожу и потешаюсь над своей реакцией.

— Наверное, это свойство всех крыжопольцев?

— Ха-ха! Это мой папа крыжопolec, а сам я — киевлянин. Вся родня папина — хохмачи и весельчаки, из, простите, Крыжополя, что под Одессой. А до того, как стать петербуржцем, я был сибиряком. Иркутянином, петрозаводчанином и даже кемеровским парнем. Мои путешествия начались с провала в театральном институте. У меня, видите ли, зубы не так растут! На актерской бирже в Москве, где я околачивался, меня заметили и пригласили в театр в Камышин. Там я получил главную роль и встретил свою будущую жену. Она очень серьезная актриса, играет трагические роли у Додина в Малом драматическом.

— У вас такой интересный союз комедии и драмы...

— Какой там союз! Мы все время выясняем отношения.

— Без боксерских перчаток, надеюсь?

— Нет, мы просто спорим, какой жанр выше, кому как надо играть. В итоге приходим, конечно, к компромиссу, ведь надо же пообедать.

— Кто первый сдается?

— Обычно — Бронислава Константиновна. Я побеждаю всегда. С детства был болтлив и упрям и во всем хотел быть первым.

— И, конечно, мечтали быть Гамлетом?

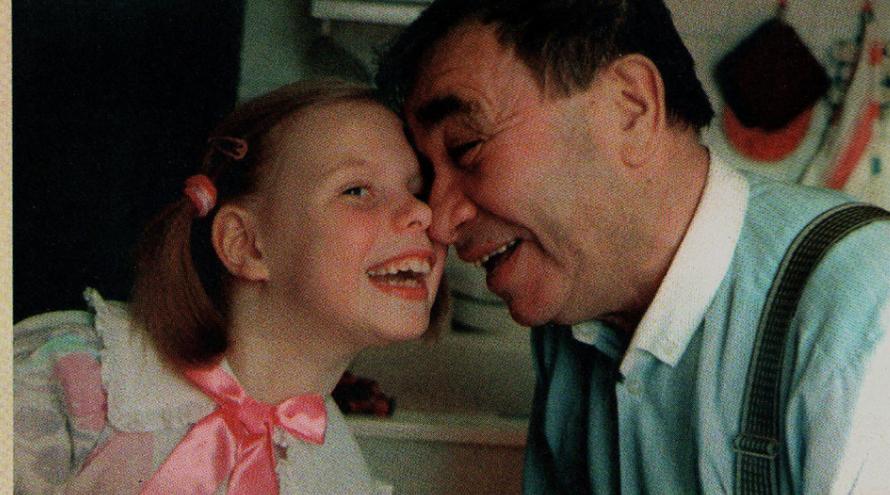
— Нет, мой зайчик! Я мечтал быть комиком. Я — Швейк и всегда смешил людей. Меня даже за это из восьмого класса вытурили. Я на уроках тренировался «на артиста». Прекрасная аудитория! Приходилось бороться с преподавателями за ее внимание. Дело доходило до того, что учительница меня просила: «Миша, не приходи, я отмечу, что ты был на уроке». — «Нет, я хочу заниматься».

— Какой предмет вас больше всего веселил?

— Украинский язык. Бедная учительница плакала от смеха, когда я у доски читал басню на этом языке... У меня было прозвище Мишка-вундеркинд...

— Наверное, вы зазнались и поэтому остались без высшего образования?

— А на черта мне оно? Целых пять лет учиться в институте, хотя я уже в детском саду чувствовал себя актером. Была у меня мечта — поступить в музыкальное училище на дирижера. Но мне предложили гобой.

Представляете, как трудно было бы оркестру исполнять Шостаковича, видя перед собой меня с дирижерской палочкой?

— А сейчас играете на гобое в тихие зимние вечера?

— Гобоя в руках не держал уже 35 лет. А в Камышине он меня очень выручал. Отыграв главную роль на сцене, я спускался в оркестровую яму и подрабатывал на гобое. В трудные времена я его загнал... А в тихие зимние вечера меня больше тянет петь. Но жене не нравится мой голос, так что приходится петь в кино.

— Как Райкин учил вас играть?

— Это я его учил! Он принял меня в свой театр учеником. Был я заносчивый и нахальный и всем давал указания, как играть. Райкину тоже советовал: «Играете вы, Аркадий Исаакович, хорошо, но уход у вас смазан». — «Мишенька, — оправдывался Райкин, — это не я, это режиссер так поставил». Последней каплей стал эпизод, когда я подскочил к Райкину и выхватил у него из рук цветок: «Дайте мне этот цветочек, я выйду за вас на сцену. Вы посмотрите, как надо играть!». Райкин, решив, что перед ним сумасшедший, спокойно так: «Миша, мы подумаем. Обязательно. Но сегодня у нас в зале иностранная делегация». Через три с половиной месяца меня выгнали.

— Правда ли, что комики в жизни очень угрюмые и мрачные?

— Совершенно верно. У меня, как у всех ненормальных людей, две крайности — то много смеюсь, то впадаю в тоску. Не люблю смешить в компании, по заказу, когда специально для этого приглашают. Я сразу замыкаюсь и становлюсь самым нудным человеком на свете. А могу устроить целый спектакль только для одного слушателя — моей дочери. У меня все в жизни наоборот. Сниматься стал в 40 лет, когда многие уже находятся в зените славы.

— Зато вы сейчас греческих миллионеров играете.

— Ой, это не мое. Чуть собачья. Мне всегда нравился маленький человек, который от всех убегает, а его все время настигают пощечины. Человек, для которого мечта — увидеть дизель-электропоезд «Будапешт — Синаи» из «Безымянной звезды», например. А мне все богатых предлагают играть.

— Наверное, вы производите впечатление состоятельного человека, выходящего из «мерседеса».

— Что вы, у меня не только машины нет, но и дачи.

— Ну тогда вас жена должна на Птичьем рынке продать.

— Ой, не могу. Меня уже Нина Русланова как неудачливого мужа-управленца продавала в одном из «Фитилей». Неподалеку козла продавали, и мы с ним переглядывались, пока Крачковская меня не купила.

— Ваш самый большой подвиг на сцене?

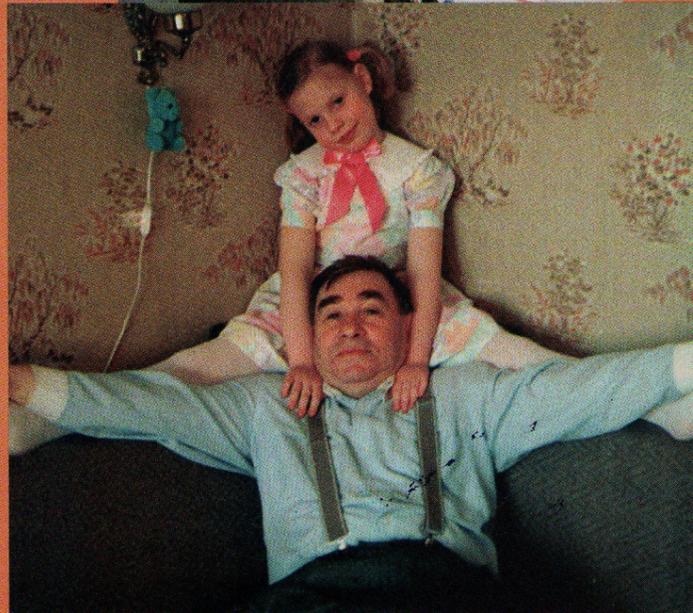
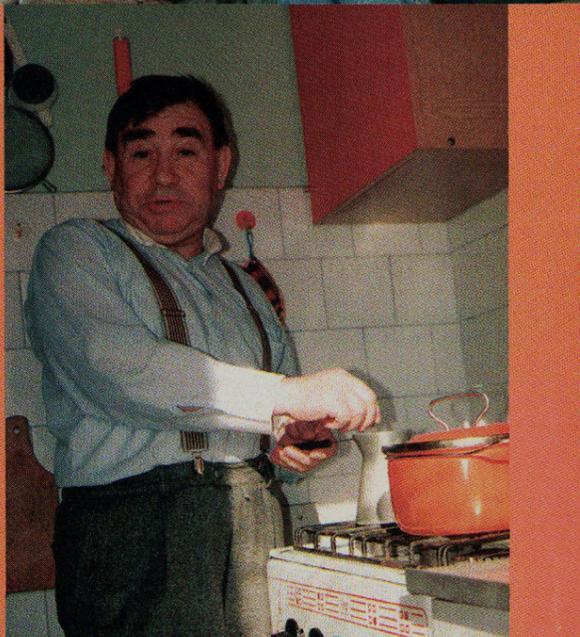
— У меня был такой «вкусный» подвиг, когда я играл Карлсона восемь лет подряд в Малом драматическом. Дети приходили после спектакля к Карлсону за кулисы и приносили много шоколада. Ко мне стояла даже очередь. Детишки подходили ко мне, нажимали кнопку на животе, пропеллер крутился, а я послушно глотал шоколадки. До сих пор больно смотреть на сладкое!

— А какое блюдо для вас вождено?

— О, гусь, да еще чем-нибудь фаршированный. Раньше ночью на цыпочках, чтобы не видела жена, крадся на кухню и съедал кусок сала как снотворное. Сейчас мне этого тоже нельзя, и я вместо сала глотаю снотворное.

— Почему нельзя?

— Мне недавно сделали операцию на сердце. Я и в больнице умудрился рассмешить врачей. Меня на каталке повезла на операцию врач Юция, эстонка. Она мне все время заговаривала зубы: «О, Светин, я вас так люблю! Вы думаете, вам операцию делать будут? Да вы что?». А сама раз — и что-то в вену мне вливает. «Ой, как я вас люблю!». И мы едем дальше. Наконец, въезжаем в какую-то комнату, а там человек семь бандитов в масках у операционного стола стоят и ждут добычу. Им только дай ножи в руки! «Дышите!» — приказал голос, и мне сунули маску. Я решил со страху, что лучше быстрее заснуть, присосался к маске и задыхался как паровоз. «Хватит, хватит», — кто-то попытался у меня ее отнять. «Нет, нет, еще», — не отдавал я маску, ее с трудом вырвали. Потом мне рассказали, что хирурги долго не могли приступить к операции от хохота. Ведь это была кислородная маска!

Ирина Зайчик

С В Е Т И Н

278

279